

«одно прекрасное царство», потому что он «о нем читал». Найден-попович читает и увлекается найденной им чудесной книгой; из нее он узнает про сильных богатырей, про страшного Змея-Горыныча и про прекрасную Марию-царевну и т. д.

Эта роль книги в сказке характеризует интересы и самого Сороковикова, большого любителя книг, имеющего у себя целую библиотечку и нередко прямо заимствующего из «Конька-Горбунка», «Сказки про царя Салтана» и других книжных источников.

Характерна для сказок Сороковикова и социальная заостренность, изменяющая иногда привычный в старой традиционной сказке сюжетный ход. Так, например, Иван-купеческий сын (в сказке «Чудесная винтовка»), казнив обманувшую его царскую дочь, женился на дочери крестьянина и «стал жить своим трудом».

Но наиболее важным для стиля Сороковикова является интерес его к бытовому и психологическому подробностям, иногда сочетающимся с традиционной фантастикой, а иногда оттесняющим ее на задний план. Так, в сказке о Протудее-прапорщике мальчик спасает героя от голодной смерти: он не позволяет ему сразу много есть, а сначала дает ему рюмку водки и на закуску кусок хлебного мякиша:

«С большой передышкой мальчик подавал ему до трех раз и все давал закусывать хлебным мякишем... Назавтра мальчик сделал такое же повторение, а потом начал его кормить мучным супом».

«Замечательно, — говорит по этому поводу Азадовский во вступительной статье, — как в данном случае сочеталась тщательность бытового изображения с эпическим требованием троекратности действия».

Отмечает Азадовский и то, что Сороковиков с большим вниманием останавливается «на изображении женского чувства, изображениях любовных переживаний, на душевных переживаниях героев в моменты разлуки, потери близкого человека». Он характеризует Сороковикова как сказочника-психолога и лирика. Поэтическая мечтательность, любовь к природе и лиризм, свойственные и многим его героям, отражают личные черты Магая, но и здесь Азадовский совершенно прав, когда говорит, что такое объяснение этих элементов его стиля было бы неправильным. «В них проявляется, конечно, не только человек, но и художник», и тем самым Азадовский отмечает принципиальный и по существу новаторский характер психологизма и лиризма Сороковикова. «Лирический тон», типичный для Сороковикова, «довольно редко встречается в сказках», — говорит Азадовский.

Я подчеркиваю новаторский характер этих элементов стиля Сороковикова потому, что они мне представляются чрезвычайно типичными для новейшего этапа в развитии сказки.

Чрезвычайно интересны новые сказки Сороковикова, созданные им под влиянием советской действительности. Лучшей из них являются широко популярная сказка о том, «Как охотник Федор японцев прогнал». Тема единства Советской страны удачно решается в ней традиционным для сказки мотивом о зверях — помощниках героя. Мотивы новой действительности органически сплетаются со сказочной структурой. Гораздо менее удачны его сказки «Крылатые

подруги» — о перелете Расковой, Гризодубовой и Осипенко и «Чудесные небесные птицы» — о советских летчиках, спасших молодого охотника Ваню, раненного в битве с мохнатым чудовищем, который убежал от преследования советской власти. Здесь этого органического сочетания нового материала со сказочной традицией нет, оно механично и художественно неубедительно.

Советские сюжеты Сороковикова очень характерны для современных сказочников, стремящихся отразить в сказке нашу действительность. Эти попытки очень симптоматичны и говорят о тенденциях развития сказки, о политическом и мировоззренческом росте советских сказителей. Но иногда новый сюжет не мирится со старой сказочной структурой; сказка ищет новые формы, более гибкие и подвижные, и она их найдет. Необходимо чрезвычайное внимание к новым сюжетам, создаваемым советскими сказителями, но надо избегать преждевременного захваливания: новая тема требует особой ответственности и никаких «скидок» не допускает.

«Сказки Магая» являются прекрасным подарком и для фольклориста и для широкого советского читателя. Замечательное мастерство этого сибирского охотника делает его одним из лучших русских сказочников.

Содержательная вступительная статья М. К. Азадовского выясняет особенности сказочной манеры Магая, связь его творчества с местным краем, отпечаток которого чувствуется на всех его сказках, ставит ряд принципиальных вопросов в области изучения сказки и в частности сказки советской эпохи. Обстоятельные, хотя и лаконичные комментарии (М. Азадовский, И. Колесницкая), словарь областных слов, библиография Сороковикова — все это делает рецензируемый сборник образцом, на котором могут и должны учиться собиратели и издатели фольклора.

Следует отметить и прекрасное оформление сборника (И. Билибин) и замечательный портрет Сороковикова, работы Ю. Скалдина.

П. Калецкий

*Александр Яшин. «Мать».
Поэма. Гослитиздат, М., 1940.*

Ученик техникума Василий приезжает на каникулы в родную деревню. Мать его, неимущая батрачка, вышла замуж за кулака. Кулак женился на ней, чтобы иметь в доме постоянную бесплатную рабочую силу. Василий не уживается с отчимом. Впоследствии, закончив образование, Василий раскулачивает отчима и мать. Отчим скрывается. Мать вешается. Таково содержание книги.

Все события Яшин изложил стихами. Большое количество рифмованных строк распределилось на многих страницах.

Эти стихи неудачны. Вся книга написана безразличным, неярким языком. Вероятно, Яшину кажется, что он пользуется народной речью. Но надо говорить метко и образно, создавая неожиданные сравнения и определения. Яшин словно избегает всяких средств поэтической образности. Он выражается расплывчато и неточно.

Вот Яшин описывает приезд Василия на родину:

Каким большим я видел этот лес,
Какой широкой представлялась пашня,
Где столюк всяких тайн,
Во рву укромных мест,
Где было все живым
И все полно чудес,
И все звало
И все казалось страшным.

Итак, все было живым, но ведь это предварительный набросок пейзажа. Тут-то и следует перейти к содержательному, раскрывающему суть картины рассказу.

Но Яшин ограничивается таким общим показом. Что же остается в представлении читателя? «Большой» лес, «широкая» пашня и только. Ни одной характерной черты!

Так же обстоит дело и в тех случаях, когда нужно сообщить о переживаниях героев. Василий прощается с телом погибшей матери. Это очень трудный и острый момент в жизни героя. Как решает такую задачу Яшин? Он словно отходит в сторону и ограничивается справкой о внешнем поведении Василия:

Василий к матери щекой припал.
Все на него, на одного, смотрели.
Так постояв,
Он перешел к постели,
Сел на кровать, вздохнул

И снова встал.
О чем он думает?
Что скажет?

На эти поставленные самим Яшиным вопросы ответа нет. В результате — герой лишен человеческого свойства. Перед нами плоская, неотчетливая тень.

Главный прием Яшина — перечисление. Он излагает понятия и поступки, никак не окрасив их ни мыслью, ни чувством, словно ставит понятия в очередь. Картина плоская и унылая:

И вот он вынул вещевой мешок,
Ногой втокнул под койку сундучишко,
На подбородке пощипал пушок,
Вздохнул...
Зубную щетку, порошок
В карман сложил.

Или вот построенная таким способом биография:

Подался в волость
Продавцом служить.
Усушка выявилась —
Он в контору,
Утечка обнаружилась —
Он скоро
В деревню выехал
И так вот жил.

Чтобы несколько оживить серое пространство поэмы, Яшин прибегает иногда к прямой речи. Действующие лица начинают говорить от своего лица. И говорят они тем особенным, якобы «мужицким» говорком, против введения которого в литературу некогда восставал Горький. И перед читателем возникают словечки и образы вроде «грит», «кстись», «проживешь», «вишь ведь шо», «в городу», «укласть в кровать», «жоне всем володеть», «понасердю», «то тожо».

Набор местных оборотов и произношений, которые кроме досады ничего при чтении не вызывают. Неужели же Яшин думает, что все эти «тожо» и «гожо» придадут повествованию подлинный реализм?

Пестрит книга и просто неуклюжими, двусмысленными, подчас неграмотными оборотами, неправильными ударениями:

Он указал на три угла икон.

Совал костистым кулачищем в спину.

Лесной баран не уставал бляеть.

И так еще: «твою спину».

Стал хлеб ложиться на широкий пояс (?).

Примеров можно привести немало.

Чем отличается поэт от рядового секретаря, ведущего рядовой протокол? Способностью увидеть действительность по-новому и рассказать о ней тоже по-новому. Этой способности у Яшина нет, судя по поэме «Мать». Ему оказалось по силам только кое-как расставить слова в определенном порядке и кое-как скрепить их бедными, робкими рифмами.

Поэма Яшина лежит за пределами поэтического искусства.

С. Спасский

Источник: Спасский С. Александр Яшин.
«Мать» / С. Спасский // Звезда. — 1941. —
№ 1. — С. 165–166.